

Становление особой жестокости как теоретико-правового ПОНЯТИЯ

Вахаев Исмаил Хож-Баудинович
магистрант направление подготовки 40.04.01. Юриспруденция
ФГБОУ ВО "Чеченский государственный университет"
bela_007@bk.ru

В действующем уголовном законе особая жестокость представлена достаточно широко, в частности, закреплена в качестве квалифицирующего признака таких составов преступлений против личности, как убийство (п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ), умышленное причинение тяжкого (п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ) или средней тяжести вреда здоровью (п. «в» ч. 2 ст. 112 УК РФ), изнасилования (п. «б» ч. 2 ст. 131 УК РФ) и насильственных действий сексуального характера (п. «б» ч. 2 ст. 132 УК РФ). А также используется законодателем как одно из отягчающих наказание обстоятельств (п. «и» ч. 1 ст. 63 УК РФ), что указывает на то, что фактически особая жестокость может проявляться при совершении различного рода преступлений.[1]

Данный признак не является новеллой для уголовного законодательства. Впервые особая жестокость была включена законодателем в Уголовный кодекс РСФСР 1926г. как отягчающее обстоятельство при определении той или иной меры социальной защиты (п. «е» ст. 47 УК РСФСР)[1]. В роли квалифицирующего признака она впервые была закреплена в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. при конструировании таких составов преступления, как умышленное убийство (п. «г» ст. 102 УК РСФСР) и дурное обращение с военнопленными (п. «а» ст. 268 УК РСФСР).[2]

Так, в Воинском уставе Петра I (1716 г.) и в Морском уставе (1720 г.) в качестве одного из квалифицированных видов убийств выделялось убийство путем отравления (арт. 162). С развитием общественных отношений более совершенным становилось и уголовное законодательство России, в котором отдельные проявления особой жестокости стали предусматриваться законодателем чаще. Так, в Уложении 1845 г. и в Уголовном уложении 1903 г. истязания и мучения рассматривались как квалифицирующий признак составов преступлений, предусматривавших ответственность за причинение телесных повреждений различной степени тяжести (ст. ст. 1477, 1479 Уложения 1845 г., ст. 471 Уложения 1903 г.), лишение личной свободы (ст. ст. 1541, 1542 Уложения 1845 г., п. 4 ст. 499 Уложения 1903 г.). Совершение убийства способом, особо мучительным для убитого, являлось квалифицирующим признаком, усиливающим уголовную ответственность за убийство (п. 2 ст. 1453 Уложения 1845 г., п. 9 ст. 455 Уложения 1903 г.).

Советское уголовное законодательство сохранило использование смежных с особой жестокостью понятий, причем их роль при конструировании уголовно-правовых норм оставалась прежней. А именно, Уголовные кодексы РСФСР 1922г., 1926г. и 1960г. способ, носящий характер мучений или истязаний, предусматривали в качестве квалифицирующего признака умышленного причинения тяжких телесных повреждений (ч. 2 ст. 149 УК РСФСР 1922 г.; ч. 2 ст. 142 УК РСФСР 1926 г.; ч. 2 ст. 108 УК РСФСР 1960 г.); умышленного нанесения удара, побоев или иных насильственных действий (ч. 2 ст. 157 УК РСФСР 1922 г., ч. 2 ст. 146 УК РСФСР 1926 г.; ч. 2 ст. 109 УК РСФСР 1960 г.). Причинение мучений и физических страданий потерпевшему являлось признаком, усиливающим ответственность за незаконное лишение свободы (ст. 160 УК РСФСР 1922 г., ч. 2 ст. 147 УК РСФСР 1926 г.).[3]

Учитывая, что происходящие в действительности процессы и явления, подлежащие обязательному государственному регулированию, настолько быстротечны, многообразны и вариативны, что законодатель не всегда в состоянии своевременно закреплять и корректировать их в законе, правоприменительная практика гораздо динамичней процедуры принятия закона, автором поддерживается первое из озвученных мнений, относительно необходимости сохранения в

уголовном законе оценочных понятий, к числу которых относится особая жестокость, что обеспечит гибкость уголовно-правового регулирования.

Литература:

1. Побегайло Э.Ф. Умышленные убийства и борьба с ними. – Воронеж: Воронеж, 1965. – 239с.
2. Акоев К. К вопросу о понятии особой жестокости при умышленном убийстве – Душанбе: Мингель, 1980. – 211с.
3. Питерцев С. Оценка множественности ранений в посягательствах на жизнь. //Советская юстиция. 1972. № 9. – С. 18-23.